

## Слово научного редактора

### ГОВАРД ЛАВКРАФТ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

История Соединенных Штатов как государства началась с освоения северо-востока американского континента. Регион этот известен под названием Новая Англия, он объединяет шесть штатов: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гемпшир, Род-Айленд и Вермонт. Здесь произошли знаковые для США исторические события: европейские пилигримы впервые ступили на американскую землю, была сделана первая заявка на независимость от британской короны, а позднее регион сыграл большую роль в отмене рабства и в промышленной революции. Тут же зарождалась и американская литература. А в контексте этой книги интересно то, что именно в Новой Англии родились, выросли и провели большую часть жизни три столпа американского литературного хоррора: Эдгар По, Говард Лавкрафт и Стивен Кинг.

Конечно, этими тремя авторами «страшная литература» США не ограничивается. Развивалась она во многом на основе европейской готической традиции, с жанром экспериментировали и гораздо более ранние авторы, например Вашингтон Ирвинг и Натаниэль Готорн. Но по-настоящему популярность таких произведений взлетела в начале XX столетия, когда появились периодические издания под общим названием pulp fiction — так их именовали из-за дешевой бумаги, на которой они печатались. Здесь публиковались произведения самых разных жанров: приключения, фантастика, ужасы, детективы. Одним из самых популярных стал знаковый журнал *Weird Tales*, который выпускается и сейчас, — в 2023 году он отметил свое столетие. Этот

и другие подобные сборники создали благодатную почву для развития современной англоязычной фантастики.

Одной из наиболее ярких личностей, печатавшихся в *Weird Tales*, был Говард Филлипс Лавкрафт, наследие которого и посвящен этот путеводитель. Уроженец города Провиденса в штате Род-Айленд был неординарным, не вполне здоровым ребенком. Родители его закончили свою жизнь в психиатрической лечебнице, его самого в детстве часто мучили ночные кошмары. Несмотря на эти довольно жуткие обстоятельства, Лавкрафт обладал поразительными знаниями в области науки и искусства. А собственные стихи и рассказы он начал сочинять еще в юные годы.

Люди, считавшие себя друзьями Лавкрафта, знали о нем очень мало. Он предпочитал налаживать контакты, прибегая к своему излюбленному способу — письмам. Некоторые даже считают, что в эпистолярном жанре писатель преуспел чуть ли не больше, чем в художественной литературе. В какой-то мере такое мнение имеет право на существование, ведь на сегодняшний день официально опубликовано около тысячи писем Лавкрафта в пяти томах, выпущенных американским издательством *Arkham House*, а также в других подобных изданиях. Это притом что многие письма давно утеряны, а многие ждут своего часа в музейных или частных архивах. Сегодня из Лавкрафта наверняка бы получился замечательный блогер, тем более что в своих письмах он касался самых разнообразных тем. Писатель не только рассуждал о собственной жизни, но и вступал в активную полемику с авторами и читателями того же *Weird Tales*. Писал он также об истории родной Новой Англии, о политике, культуре и даже об астрономии, которой был сильно увлечен. И неслучайно исследователи называют его «литературным Коперником», создателем оригинального мира, населенного пришельцами из иных вселенных, измерений и кошмарных бездн человеческого подсознания.

Лавкрафт считал, что идеи добра, справедливости и красоты — это лишь наивные грезы человеческого детства. Трудно сказать, что он верил в человечество и научный прогресс, хотя весьма фундаментальные для тех времен знания в различных областях не редкость в его рассказах. Он мифотворец, создавший впечатляющую «империю зла», отбрасывающую тень на простой и понятный мир обыкновенного человека. Знакомый каждому иррациональный страх Лавкрафт склонен соотносить с вечным космическим злом, которое может дремать многие миллионы лет, никак себя не проявляя, а потом внезапно вмешаться в человеческое существование со всей своей холодной жестокостью.

Из всех авторов, работавших в жанре хоррора, Говард Лавкрафт заслуживает особого внимания, поскольку является не только одним из ярчайших представителей такой литературы, но и создателем собственной вселенной, которая именуется «Мифами Ктулху» (Cthulhu Mythos). Это необычное название предложил друг и соратник писателя Август Дерлет. «Мифы Ктулху» (или, как их иногда именуют, «лавкрафтовские ужасы») сегодня можно назвать отдельным жанром, входящим в систему фантастической литературы вообще. Как известно, жанр — это эстетическая категория, которая означает, что в произведении заданы узнаваемый стиль, форма и содержание. Другими словами, имеются определенные критерии, которым произведение должно удовлетворять, чтобы его можно было отнести к определенному жанру.

Исследователь Роберт Прайс утверждает, что, как и в каждой классической мифологии, «Мифы Ктулху» суть сами рассказы. Не вымышленные легенды и книги, описанные в этих рассказах, а рассказы сами по себе, истории реальных авторов. Они формируют такую «мифологию Мифов», пусть это и мифология современной художественной литературы.

Возможно, одним из наиболее фундаментальных критериев лавкрафтовской мифологии является тот факт, что в ней



Портрет Говарда Ф. Лавкрафта

описываются контакты людей со сверхъестественными сущностями огромной и даже всемогущей силы. В этом смысле они подобны греческому и скандинавскому мифологическим циклам. Чаще всего сверхъестественное в «Мифах» представлено так называемыми Великими Древними (Great Old Ones), огромными сущностями нечеловеческой природы, а также образами их отдельных служителей либо культов.

Другой критерий — фаталистический и нигилистический характер историй. «Мифы Ктулху» предполагают, что Вселенная — место весьма недружественное для человечества. Из-за размера и банально по природе своей она в лучшем случае безразлична к человеку и другим смертным видам. В мире Лавкрафта зло невозможно победить полностью, однако человек все-таки может противостоять ему, хотя бы какое-то время. Писатель, будучи атеистом и поклонником завоеваний науки, в борьбе с активно проявляющим себя злом полагался не столько

на духовное превосходство носителя добра, сколько на вполне физические средства: динамит, серную кислоту, тротил, огнеметы и т. п. (рассказы «Заброшенный дом», «Затаившийся страх»). И все же в большинстве случаев лавкрафтовский герой терпит поражение, причины которого не всегда лишь в неравенстве сил. Семя зла может вообще присутствовать в человеке изначально и в подходящей ситуации дать свои злоещие плоды, как в рассказах «Наследство Пибоди», «Артур Джермин» или «Тень над Иннсмутом».

Еще одна важная характеристика «Мифов Ктулху» заключается в том, что многие рассказы повествуют об исследованиях останков погибших цивилизаций, будь то руины, артефакты или даже уцелевшие города, которые до обнаружения были сокрыты в недоступных местах («Хребты безумия», «За гранью времен»). Хотя в рассказах Лавкрафта герои часто имеют дело со сверхъестественными силами и существами, все это довольно сильно напоминает изречение фантаста Артура Кларка: «Любая достаточно развитая наука неотличима от магии». Другими словами, магия в «Мифах Ктулху» скорее представляет собой некую форму высокоразвитых наук — биологии, химии, физики, неевклидовой геометрии, философии, — чем действительно является сверхъестественной силой. Также большинство существ из «Мифов» скорее противоестественны, чем сверхъестественны. Несмотря на свою могущественность, неописуемость и непостижимость, они все равно являются частью Вселенной и подчиняются ее законам.

Наконец, последний критерий «лавкрафтовских ужасов» — запретное знание заключено в томах древнего учения. Обычно это книги древних цивилизаций или же разумных рас из далекого космоса. Их трудно прочесть и еще труднее понять, но они могут оказывать глубокое психологическое воздействие на читателя. Именно из этих фолиантов герои и злодеи способны как узнать необходимое, так и случайно или преднамеренно научиться чему-либо для достижения своих целей.



Ктулху в сравнении с человеком

И сам Лавкрафт, и его современники очень удивились бы, узнав, что к началу XXI века его будут называть в числе величайших американских писателей. При жизни он был практически неизвестен в широких кругах, знали его в те времена очень и очень немногие любители весьма специфического чтива. Высокоталантливые интеллектуалы считали поклонников *Weird Tales*

умственными инвалидами, а рассказы, издававшиеся в этом журнале и других подобных изданиях, долгое время значились литературой лишь условно. В частности, весьма влиятельный в 1940-е годы литературный критик Эдмунд Уилсон написал о творчестве Лавкрафта совершенно уничижительную статью в журнале «Нью-Йоркер». «Что в этих выдумках действительно ужасно, так это дурной вкус и стиль. <...> Боюсь, что культ Лавкрафта находится на еще более инфантильном уровне, чем культ Шерлока Холмса», — так отзывался «эксперт» о рассказах писателя, попутно проехавшись еще и насчет творчества Артура Конан Дойля, ныне заслуженного мэтра детективного жанра.

Впрочем, все это не дает оснований утверждать отсутствие какой-либо эстетической ценности в рассказах Лавкрафта. К сегодняшнему дню давно забылись работы большинства его коллег по перу из журналов вроде *Weird Tales*. Творчество же Лавкрафта со второй половины XX века, наоборот, переживает настоящий ренессанс, а к XXI столетию и вовсе получило заслуженный успех, выйдя далеко за рамки литературы. Благодарить за это стоит уже упомянутого писателя Августа Дерлета — именно он занимался сбором, сохранением, систематизацией и последующим изданием всего творческого наследия Говарда Лавкрафта в своем издательстве *Arkham House*.

К первой волне последователей Лавкрафта можно отнести также Кларка Эштона Смита, Роберта Говарда, Дональда Уандрея, Роберта Блоха. Однако их вклад был совсем не таким обширным, и с 1950-х годов мифы Лавкрафта были забыты почти на двадцать лет. Немалую роль в забвении его рассказов сыграл научно-технический прогресс, стремительно набравший силу в послевоенной Америке. В обществе царили оптимистические настроения, которыми были пропитаны многочисленные фантастические произведения об освоении космоса, покорении природы и т. п. Фатализм лавкрафтовской мифологии в эту картину совершенно не вписывался.

**H. P. LOVECRAFT, Master of Weird Fiction,  
Has Something Unusual To Say in**

## DAGON

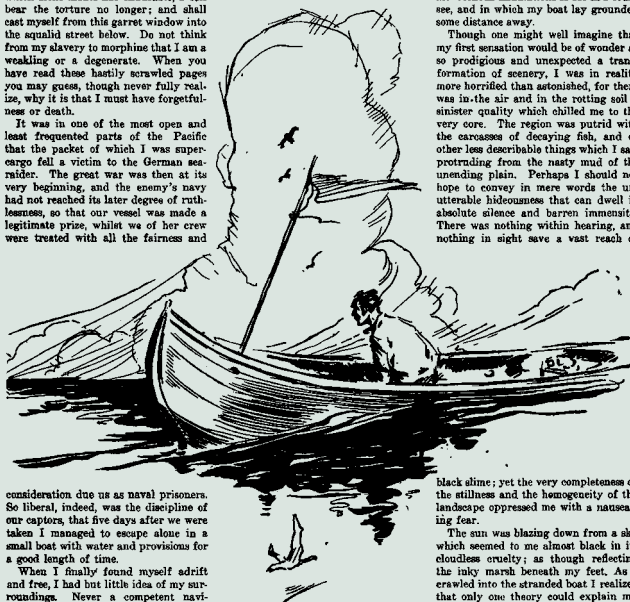
**I** AM writing this under an appreciable mental strain, since by tonight I shall be no more. Penitence, and at the end of my supply of the drug which alone makes life endurable, I can bear the torture no longer; and shall cast myself from this garret window into the squalid street below. Do not think from my slavery to morphine that I am a weakling or a degenerate. When you have read these hastily scrawled pages you may guess, though never fully realize, why it is that I must have forgetfulness or death.

It was in one of the most open and least frequented parts of the Pacific that the packet of which I was supercargo felt a victim to the German sea-raider. The great war was then at its very beginning, and the enemy's navy had not reached its later degree of ruthlessness, so that our vessel was made a legitimate prize, whilst we of her crew were treated with all the fairness and

northern the scorching sun; waiting either for some passing ship, or to be cast on the shores of some habitable land. But neither ship nor land appeared, and I

feared, was continuous. When at last I awoke, it was to discover myself half sucked into a slimy expanse of hellish black mire which extended about me in monotonous undulations as far as I could see, and in which my boat lay grounded some distance away.

Though one might well imagine that my first sensation would be of wonder at so prodigious and unexpected a transformation of scenery, I was in reality more horrified than astonished, for there was in the air and in the rotting soil a sinister quality which chilled me to the very core. The region was putrid with the carcasses of decaying fish, and of other less describable things which I saw protruding from the nasty mud of the unending plain. Perhaps I should not hope to convey in mere words the unutterable hideousness that can dwell in absolute silence and barren immensity. There was nothing within hearing, and nothing in sight save a vast reach of



consideration due us as naval prisoners. So liberal, indeed, was the discipline of our captors, that five days after we were taken I managed to escape alone in a small boat with water and provisions for a good length of time.

When I finally found myself adrift and free, I had but little idea of my surroundings. Never a competent navigator, I could only guess vaguely by the sun and stars that I was somewhat south of the equator. Of the longitude I knew nothing, and no island or coast-line was in sight. The weather kept fair, and for uncounted days I drifted aimlessly be-

gan to despair in my solitude upon the heaving vastnesses of unbroken blue.

The change happened whilst I slept. Its details I shall never know; for my slumber, though troubled and dream-in-

black slime; yet the very completeness of the stillness and the homogeneity of the landscape oppressed me with a nauseating fear.

The sun was blazing down from a sky which seemed to me almost black in its clueless cruelty; as though reflecting the lousy marsh beneath my feet. As I crawled into the stranded boat I realized that only one theory could explain my position. Through some unprecedented volcanic upheaval, a portion of the ocean floor must have been thrown to the surface, exposing regions which for innumerable millions of years had lain hidden under unfathomable water.

Титульный лист рассказа «Дагон», 1923 г.

О «Мифах Ктулху» вспомнили снова лишь в конце 1960-х годов, когда известный английский писатель Колин Уилсон критически высказался о Лавкрафте. Дерлет принял это как вызов и в ответном письме предложил англичанину самому написать лавкрафтовское произведение. Все это вылилось в два романа, «Паразиты

сознания» (1967) и «Философский камень» (1969), которые были пропитаны лавкрафтовской философией. Особой популярности они не обрели, однако это был первый выход «Мифов Ктулху» на территорию мало-мальски серьезной литературы.

В 1970-е вера в будущее впервые дала серьезный сбой в американском сознании. Причиной тому были экономический кризис, непопулярная война во Вьетнаме, растущая безработица и преступность. Молодежное движение хиппи, столь распространенное в 1960-х и намеревавшееся изменить мир, выродилось в наркоманию, пессимизм и конформизм. Американцы перестали доверять правительству, в особенности после отставки президента Ричарда Никсона в августе 1974 года. В чем-то те времена были близки 1920–1930-м, когда творил сам Лавкрафт. Ведь образ Ктулху, самого знаменитого его чудовища, уходит своими корнями не только в древние мифы и легенды. Многочисленные бедствия и трагедии начала XX века указывают на то, что лавкрафтовское божество стало их подсознательным воплощением. Первая Мировая война, социалистическая революция в России, Великая депрессия — все это не могло не тревожить и без того беспокойного Лавкрафта. Писатель чутко уловил события своей эпохи и экстраполировал их в апокалиптические картины убийственного столкновения цивилизаций.

Возможно, именно общий спад публичных настроений в 1970-е годы и оказал в конце концов решающее воздействие на популярность творчества Лавкрафта. Это был своего рода неявный социальный запрос, реакция на дух времени. И рассказы джентльмена из Провиденса этому духу вполне соответствовали. Впрочем, причины популярности Лавкрафта могут скрываться не столько в духе времени, сколько в самом писателе, а именно — в оригинальности его концепции. Как говорил Роберт Вайнберг, бывший редактор Arkham House, «Лавкрафт был первым и лучшим из всех тех авторов, кто описывал страх человека перед неизвестным».

Ощутимый вклад в популяризацию «Мифов Ктулху» внес американский писатель и теолог Роберт Прайс. С 1981 по 2001 год он выпускал так называемый фэнзин «Склеп Ктулху». Это было любительское периодическое издание, рассчитанное прежде всего на поклонников лавкрафтовского творчества, «от фанатов для фанатов». В журнале выпускались исследовательские статьи, полемика, а также рассказы и стихи в духе «странной литературы» (weird fiction). Среди авторов были писатели, которые впоследствии также приняли эстафету популяризации Лавкрафта: Брайан Ламли, Рэмси Кэмпбелл, Лин Картер, Томас Лиготти и многие другие, даже вышеупомянутый Колин Уилсон. Из «Склепа Ктулху» вышли в люди и многие известные ныне исследователи-лавкрафтоведы: Сунанд Джоши, Питер Кэннон, Даррелл Швейцер и др.

Наконец, наряду с журналом «Склеп Ктулху» популярности творчества Лавкрафта немало помог кинематограф, и прежде всего — адаптации рассказов писателя, снятые американским режиссером Стюартом Гордоном. Несмотря на многочисленные сценарные вольности, его картины «Реаниматор» (1985), «Извне» (1986), «Урод в замке» (1995) имели успех у любителей фильмов ужасов, а позже и вовсе стали культовой классикой. Литературному дару Лавкрафта поклоняются и такие известные американские кинорежиссеры, как Гильермо дель Торо и Джон Карпентер. Монструозными фантазиями писателя вдохновлялся швейцарский художник Ханс Руди Гигер, создавший образ зловещего ксеноморфа из фильма «Чужой».

С каждым годом выпускается все больше книг, эссе, монографий, радиопостановок, экранизаций, музыкальных альбомов, настольных и компьютерных игр, так или иначе касающихся творчества талантливого затворника из Провиденса. В США существует даже Историческое общество Г. Ф. Лавкрафта. Творчество писателя и его последователей изучают многие критики и литературоведы по всему миру, а на просторах интернета немало тематических карикатур и веб-комиксов.

Однако все вышеописанное касается прежде всего западного культурного пространства, в основном англоязычного. В Россию и вообще в целом на постсоветскую территорию Лавкрафт пришел далеко не сразу, и на то было много причин, прежде всего идеологических: в стране, много лет жившей по марксистско-ленинским канонам, попросту не было места всевозможным суевериям, ужасам и прочему пессимизму и упадничеству западного мира. Однако попытки публикации произведений Лавкрафта предпринимались и тогда. Как пишет блогер и писатель Алексей Грибанов в своей авторской колонке на сайте «Лаборатория фантастики», в 1976 году в русскоязычном журнале «Америка» был опубликован рассказ «Зловещий пришелец» (The Evil Clergyman, 1939), один из последних у Лавкрафта и изданный уже посмертно. Конечно, тогда писатель был совершенно неизвестен в СССР, а потому рассказ благополучно прошел мимо внимания советского читателя.

Более серьезно и массово переводить работы Говарда Филлипса на русский язык стали только в начале 1990-х, поначалу в альманахах рассказов авторов-фантастов, тогда еще неизвестных в наших краях. Но уже в 1991 году был издан первый сборник произведений Лавкрафта на русском в переводе Валерии Бернацкой — «По ту сторону сна», инициатором издания был литературовед и писатель Евгений Головин. В сборник вошли среди прочих такие ключевые произведения Лавкрафта, как «Тень над Иннсмутом», «Затаившийся страх» и «Герберт Уэст, реаниматор». Другие знаковые рассказы — «Зов Ктулху», «Цвет из иных миров» или «Шепчущий во тьме» — появились в русском переводе уже позднее. Но именно с тех пор Лавкрафта регулярно переиздают крупные издательства русскоязычного пространства, и сегодня его книги можно найти в разделе фантастики любого книжного магазина.

Что касается поклонников и последователей Лавкрафта, то в странах Запада за почти сотню лет их набралось довольно



Портрет Говарда Ф. Лавкрафта и его персонажи. Фан-арт

много. Некоторые из них и сами стали известными писателями. Стивен Кинг, Нил Гейман и многие другие — все они так или иначе испытали на себе влияние Лавкрафта и сами порой создавали рассказы в его стиле. На постсоветском пространстве с этим, откровенно говоря, негусто. Как уже упоминалось, русскоязычный читатель в массе своей узнал о Лавкрафте довольно поздно, а в то время, когда это случилось, многим было не до писательства. Отдельные эксперименты, конечно, имели место (например, в 2008 году был издан сборник русскоязычной «лавкрафтианы» «Возвращение Ктулху»), но должной популярности они не обрели. Зато в России тот же Ктулху оказался в поле внимания главы государства, после чего стал популярным мемом. Во время пресс-конференции Владимира Путина в 2006 году в число вопросов, отобранных по итогам голосования интернет-пользователей, попал и такой: «Как вы относитесь к пробуждению Ктулху?» Президент ответил, что потусторонние силы вызывают у него подозрение. После этого чудовище даже обрело в Рунете собственный шуточный культ.

«Мифы Ктулху» проникли и в такое явление, как веб-комиксы. Один из наиболее примечательных — Unspeakable Vault of Doom французского карикатуриста Франсуа Лоне. Его герои — могущественные, но вместе с тем забавные боги-чудовища из рассказов Лавкрафта. Автор комикса хотя и представляет лавкрафтовских монстров в юмористическом ключе, но при этом вкладывает в свои сюжеты злободневный смысл, иронично обыгрывая новости науки, культуры и политики.

Таким образом, в начале XXI века идеи Лавкрафта переходят в иную форму, становятся предметом совершенно новой, качественно иной интерпретации. И дело не только в мемах. К примеру, английский писатель и автор комиксов Алан Мур пытался реконструировать лавкрафтовское наследие в графических романах «Неономикон» и «Провиденс». Он словно намеренно добавляет в свои работы темы и образы, которых Лавкрафт в своем творчестве старательно избегал. Например, в качестве главных персонажей фигурируют женщина и афроамериканец. Также Мур не стесняется описывать сцены секса и насилия, что сильно расходится с авторской манерой Лавкрафта. Как известно, женщин и секс тот не слишком жаловал, по крайней мере в своем творчестве, а также большую часть жизни исповедовал расистские взгляды и презирал американскую политику «плавильного котла наций». Все это сегодня, в эпоху новой этики, воспринимается крайне негативно, а в западном общественном дискурсе порой идут горячие споры о том, стоит ли и дальше восхищаться таким автором.

Но есть и другое мнение. В 2011 году американская писательница нигерийского происхождения Ннеди Окоратор получила награду Всемирной премии фэнтези. Вскоре она опубликовала в своем блоге пост о том, как узнала, кого именно изображает призовая статуэтка (уточним, что награда выглядит как бюст Говарда Лавкрафта), и какие противоречивые, даже гневные чувства у нее вызвал этот факт. Однако

спустя некоторое время Ннеди Окорафор, как и другие ее коллеги-писатели, пришла ко вполне логичному и мудрому выводу. «Хочу ли я, чтобы “Говарда” заменили головой какого-нибудь другого великого писателя? — задала она себе вопрос. — Возможно. Быть может, пришло время. А может, и нет. Что я точно знаю, так это то, что хочу смело глядеть в лицо истории этой области литературы, а не отложить ее в сторону или похоронить. Если таковы были убеждения некоторых великих фантастов, значит, давайте не умалчивать о них, а честно в них разбираться».

Через несколько лет дизайн награды все же сменили. Хорошо это или плохо, каждый решает для себя сам. Ясно лишь одно: все течет и все меняется, иногда перемены нужно понимать и принимать. Не отрицать прошлое, но и не тащить из него в будущее то плохое, что произошло. Несмотря на все противоречия личности Лавкрафта, сегодня многие авторы пишут в заложенной им литературной традиции — это Пит Роулик, Уилам Пагмайр, Лэрд Бэррон, Виктор Лаваль и другие. Следуют им и современные писательницы, например Пола Стайлс, Сильвия Морено-Гарсия, Рутанна Эмрис.

Вселенная Лавкрафта огромна и многогранна, но ей по-прежнему есть куда расти. А данный путеводитель, пусть это и не первое в мире издание, посвященное ее описанию, наверняка будет полезен русскоязычным почитателям хоррора и фантастики. Одни узнают для себя новые грани любимой вселенной, а другие вдохнутся и сами продолжат литературное дело джентльмена из Провиденса, как это делают авторы других стран.

*Дмитрий Данилов,  
исследователь литературы*



Почитать описание и заказать  
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

